

На правах рукописи

Шульгина Кристина Витальевна

**Вторичные инвективные высказывания в протоколе допроса
(на материале русского языка)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Направление подготовки 45.06.01 Языкознание и литературоведение
Программа «Русский язык»

ДОКЛАД
об основных результатах подготовленной научно-квалификационной
работы

Красноярск 2021

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и методики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьев

Научный руководитель:

Осетрова Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»

Рецензенты:

Васильева Светлана Петровна, доктор филологических наук, профессор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»

Михайлов Алексей Валерианович, кандидат филологических наук, доцент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева»

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

Настоящая работа посвящена принципам отражения вторичных инвективных высказываний в протоколе допроса по уголовным делам об оскорблении и определению синтаксических, семантических и прагматических характеристик их проекции.

На современном этапе развития судебной лингвистической экспертизы исследователи криминалистического материала – ретранслированных и занесенных в протокол допроса конфликтных высказываний – столкнулись с отсутствием четких приемов и способов их анализа. Данное положение дел привело к разделению экспертных мнений по данному вопросу и к формированию определенной исследовательской проблемы.

Одни представители экспертного сообщества рассматривают вторичные (ретранслированные) тексты как непригодные для анализа ввиду утраты ими важных лингвистических характеристик (Н.Ю. Мамаев, Т.В. Назарова, Е.А. Гримайло Е.А., А.В. Громова и др.). Другие исследователи занимают альтернативную позицию, дифференцируя объекты лингвистического исследования по отношению к источнику информации на непосредственные и опосредованные (К.И. Бринев, В.О. Кузнецов). К опосредованным – косвенным – источникам информации авторы описываемого подхода относят в том числе и протокол допроса.

Самым распространенным источником информации о событии оскорбления является именно протокол допроса. Вербальное оскорбление не всегда может быть зафиксировано посредством аудио-, видеозаписи – предпочтительных для анализа носителей информации о речевых действиях и коммуникативной ситуации в целом. Это вызвано разными причинами – отсутствием во время конфликтной коммуникации звукозаписывающего устройства, недостаточно быстрой реакцией участников, их психологическим состоянием и т.д.

Таким образом, с учетом потребностей следствия и состояния судебной

лингвистической экспертизы исследование содержания и формы высказываний вторичной репрезентации, внесенных в протокол допроса, является на сегодняшний день весьма актуальным. Отношение к протоколу допроса как к носителю информации об объекте нуждается в корректировке, а именно, в смещении акцента с его субъективной оценки («пригодный» / «непригодный» носитель информации) – на объективный анализ имеющегося лингвистического материала (единственно доступный носитель информации).

Цель исследования – выявление синтаксической, семантической и прагматической структуры вторичных инвективных высказываний в протоколах допроса.

Цель предусматривает решение следующих **задач**:

1. Представить протокол допроса как текстовый документ юридической сферы: отразить его структурные, функционально-стилевые особенности; определить особенности его жанровой организации.
2. Рассмотреть первичные и вторичные (производные) речевые произведения как объект изучения лингвистики; дефинировать используемые в данной работе понятия «первичное» и «вторичное» инвективные высказывания.
3. Исследовать протокол допроса на предмет системности имеющейся в нем информации, касающейся речевой ситуации оскорбления и ее участников – на основании этого построить модель данного типа речевой ситуации.
4. Представить элементы речевой ситуации оскорбления в семантическом аспекте.
5. Оценить и систематизировать средства маркирования вторичных инвективных высказываний в протоколе допроса.
6. Установить специфику вторичной репрезентации инвективного речевого произведения в синтаксическом, семантическом и прагматическом аспектах; соотнести свойства вторичного инвективного высказывания как языкового знака со свойствами оригинального, звучащего первичного высказывания;

7. Соотнести семиотические свойства вторичных инвективных высказываний, имеющих высказывание-основу (фонограмму, видеофонограмму), и производных инвективных высказываний, не имеющих фонографической основы.
8. Выявить особенности фиксации вторичных инвективных высказываний исполнителем документа; сформулировать рекомендации для следователей по фиксации в протоколе допроса таких высказываний.

Объектом исследования определено вторичное инвективное высказывание.

Предметом исследования является языковое и речевое устройство такого высказывания, обстоятельства реализации которого зафиксированы в протоколах допросов по уголовным делам.

Материалом исследования послужили показания участников уголовного судопроизводства, зафиксированные на русском языке в протоколах допроса и содержащие сведения о конфликтном речевом событии (речевом преступлении), являющемся предметом разбирательства при расследовании уголовных дел в порядке статей 319¹ и 297² Уголовного кодекса Российской Федерации – всего 200 скан-копий протоколов допроса по 50 уголовным делам. Протоколы допроса объединены в картотеку по дате поступления в экспертное подразделение. Текстовый объем описательной части протоколов допроса составил более 150000 словоупотреблений. Общее количество инвективных высказываний, извлеченных из протоколов допроса – 290. Кроме того, материалы исследования составляют аудио- и видеозаписи речевых ситуаций оскорбления – аудиокартотека насчитывает 17 медиафайлов.

Для решения поставленных задач в работе использованы общенаучные **методы** исследования (наблюдение, описание, сравнение, моделирование), лингвистические методы – семантического, стилистического, функционального,

---

¹ Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением.

² 1. Неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства. 2. То же деяние, выразившееся в оскорблении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия.

количественного анализа, методы пофакторного и компонентного анализа речевого высказывания, метод спектрального анализа.

Методологическую базу исследования составили идеи и положения семантического синтаксиса (Т.В. Шмелева, А.С. Мустайоки, М.В. Всеволодова), конструктивного синтаксиса (Н.Ю. Шведова, В.А. Белошапкова, Золотова Г.А., Казарина В.И.) и теории речевых жанров (М.М. Бахтин, Т.В. Шмелева, К.Ф. Седов, Дементьев В.В.). В границах обозначенной темы особенно востребованными оказались работы, авторы которых изучают категорию достоверности информации (Е.В. Осетрова, Н.С. Бельская, Панченко Н.Н., А.М. Плотникова), речевую ситуацию оскорбления (К.И. Бринев, М. А. Осадчий, Т.С. Шахматова, М.А. Грачев, Г.В. Кусов), протокол допроса как особый тип документа и речевого жанра (Н.М. Татарникова, Е.Е. Абрамкина, Л.М. Месропян), наконец, феномен вторичного текста (С.В. Ионова, Н.Д. Голев, Н.В. Сайкова, Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн, А.И. Новиков, А.А. Чувакин).

Научная новизна диссертационной работы заключается в следующем:

1. Предложена модель речевой ситуации оскорбления.
2. Даны дефиниции «вторичного» инвективного высказывания, зафиксированного в протоколе допроса по делам об оскорблении, и его высказывания-прототипа;
3. Выявлены специфика вторичной репрезентации инвективного речевого произведения с точки зрения синтаксической, семантической и прагматической информации.

Теоретическая значимость работы определяется ее результатами – исследование вносит вклад в развитие теории судебной лингвистической экспертизы, а также в методологию исследования вторичных инвективных текстов.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования ее результатов в практике производства экспертами судебной лингвистической экспертизы по уголовным делам об оскорблении, при проведении следователями процессуальных действий по получению показаний при расследовании речевого

преступления. Материалы и результаты данного исследования могут быть использованы и в дисциплинах, посвященных проблемам юрислингвистики, в курсах по лингвоконфликтологии, правовой коммуникации и прикладной филологии. Кроме того, в работе представлены рекомендации для следователей по фиксации в протоколе допроса вторичных инвективных высказываний.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лингвистическая категория «вторичности» является одной из определяющих в протоколе допроса на разных уровнях – от жанровой организации документа до включения вторичных инвективных высказываний (репродукций первичных высказываний) в описательную часть протокола.
2. Вторичные инвективные высказывания, зафиксированные в протоколе допроса, коррелируют с их прототипами – первичными высказываниями, зафиксированными на аудио-, видеозаписи на семантическом и прагматическом уровнях, в ряде случаев – и на структурном уровне. Вторичные инвективные высказывания, не сопровождаемые фонограммой, не имеют релевантных семантико-прагматических отличий от вторичных высказываний, обладающих фонографическим прототипом. Большая часть вторичных инвективных высказываний представлена номинативными оценочными единицами, которые относятся к речевым, текстообразующим элементам первичного высказывания. Речевая интенция автора первичного высказывания восстанавливается из содержания вторичного высказывания с опорой на иные элементы речевой ситуации, представленные в протоколе допроса. Структура вторичного инвективного высказывания эллиптизирована – подвержена структурной компрессии, что тривиально для ситуации квазиспонтанного допроса – допрашиваемые лица «пересказывают» речевую ситуацию оскорбления, их задачей является передача следователю информации о ее обстоятельствах и произнесенных бранных словах.

3. На основании протокола допроса возможно экспертное реконструирование речевой ситуации оскорбления. В протоколе допроса представлены 5 информационных блоков, соотносящихся с диктумом предложения и характеризующих ретранслируемую речевую ситуацию оскорбления с точки зрения: 1) места и времени (сирконстанты); 2) участников (актанты); 3) действий участников (собственно пропозитивный смысл); 4) вербальной составляющей речевого действия Инвектора (репродукция первичного инвективного высказывания); 5) невербальных коммуникативных действий Инвектора (модуляции громкости голоса при произнесении инвективного высказывания; использование жестов, зрительного контакта; выбор позы в коммуникативном пространстве).
4. Следователям в проспективных целях (для последующей реконструкции экспертом речевой ситуации оскорбления по протоколу допроса) необходимо руководствоваться определенными правилами фиксации вторичных инвективных высказываний в протоколе допроса. Инвективная лексика, составляющая ситуацию речевого оскорбления, требует специальной формы отражения в протоколе, не искажающей ее смыслового содержания.

Достоверность исследования подтверждается значительным количеством проанализированного материала, включенного следователями Следственного комитета России в производство по уголовным делам в 2011–2021 гг., а также методологической базой анализа – положениях и идеях семантического и конструктивного синтаксиса, языковой прагматики, теории речевых жанров и текстодериватологии.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования отражены в докладах на IX Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры (КГПУ им. В.П. Астафьева, май 2020 года), II Международной научно-практической конференции «Динамические процессы в языке и языковой картине мира» (КГПУ им. В.П.

Астафьева, октябрь 2020 года), научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы современной филологии» (КГПУ им. В.П. Астафьева, апрель 2021 года), X научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры, с присуждением диплома I степени (КГПУ им. В.П. Астафьева, май 2021 года).

Основные положения диссертационного исследования отражены в 8 публикациях, в том числе 3 в журналах, включенных в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук; 5 – в научных изданиях, входящих в базу РИНЦ.

Структура работы включает введение, три главы, заключение, список литературы и три приложения. Кроме того, в работу включены восемь таблиц и двадцать восемь акустических графиков.

Основное содержание работы

Во **введении** дано обоснование актуальности выбранной темы исследования, определены объект и предмет исследования, обозначены основные цели и задачи работы, охарактеризованы теоретическая, практическая значимость, степень научной новизны, изложены данные о материале и структуре диссертации, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Понятие "вторичный текст" в лингвистической науке»** представлены теоретические предпосылки исследования, освещены ведущие концепции изучения и классификации вторичных текстов, изложены основные приемы их построения.

На современном этапе развития общества любые процессы и результаты обработки первоосновного, идеального объекта связаны с категорией вторичности. Практически любой материальный объект, созданный человеком, соприкасается в той или иной степени с явлением вторичности. Будь то предмет изобразительного искусства или производственного труда,

литературный/исторический/библейский персонаж или речевое произведение. Все эти факты человеческой деятельности взаимосвязаны и взаимозависимы. Все имеет свойство быть цитируемым, повторенным, положенным в основу. Действительно, среди исследователей языковой категории вторичности бытует мнение о принадлежности первичных текстов богу, а человеку по праву преемственности – вторичных (С.В. Ионова). Таков непрерывный процесс развития старого в новом.

Языковая категория вторичности в современной филологии занимает важное место среди прочих фундаментальных понятий языка. Лингвистические словари определяют специфические черты вторичного текста – это всегда новый текст, созданный на основе другого текста, сохраняющий признаки текста-основы (содержательные, организационные и т.д.) [Матвеева, 2010; Стариченок, 2008] Как видно из определения, носитель языка, используя в своей речи вторичные тексты, воспроизводит с различными целями основное содержание, форму базисного текста. При этом вторичный текст может быть максимально содержательно приближен к оригиналу, приобретать дополнительные смыслы, изменять свою структурную организацию, замысел и т.д.

Объект и предмет настоящего исследования требуют их рассмотрения с позиций теории вторичного порождения текстов. Тексты, связанные отношениями производности, исследуются в различных аспектах и парадигмах современного языкознания. Лексико-грамматическая категория вторичности связана непосредственно с вторичным значением слова и усложнением внешней структуры производного слова. Текстовая категория «вторичности» в разнообразных лингвистических теориях характеризуется прежде всего наличием межтекстовых отношений, где первичный текст выступает в качестве первоосновы, инварианта для его варианта – деривата, сохраняющего смысловую базу первичного текста (Н.Д. Голев, Н.В. Сайкова, Л.Н. Мурзин, А.И. Новиков, С.В. Ионова). Наибольший интерес для исследования вторичных текстов, извлеченных из протокола допроса, представляет понимание их формы, содержания и речевой цели.

Таким образом, теоретическое осмысление вторичных текстов, для которого характерно представление объекта в формально-содержательном, смысловом и коммуникативном аспектах, послужило основой для рассмотрения вторичных высказываний, представленных чужой оскорбительной речью в протоколе допроса, в трех значимых векторах: форма – смысл – речевая цель.

Вторая глава «Вторичная репрезентация речевой ситуации оскорбления в протоколе допроса» посвящена анализу речевого события оскорбления, описанного в протоколе допроса в соответствии с его конститутивными элементами – «условиями коммуникации», «участниками», «вербальными» и «паравербальными средствами», используемыми Инвектором как автором высказывания. Кроме того, во второй главе отмечаются способы представления в протоколе допроса вторичных инвективных высказываний как чужой речи.

Объект исследования во второй главе представлен с точки зрения структурного и семантического синтаксиса, моделирования условий и обстоятельств ситуации речевого оскорбления. Такой взгляд на изучаемый объект соотносится с поставленными задачами исследования.

Как показало исследование, вторичные инвективные высказывания вводятся в протоколы допроса тремя основными способами.

Первый способ заключается в использовании составителем протокола допроса прямой речи, включающей на уровне содержательной структуры пропозиции восприятия, речевого действия, а также физического действия / движения и психического состояния, оформленные предикатами соответствующей семантики:

1) *Когда мы подошли к домовладению, вышел X³, я сообщил ему, что будет зафиксирован отказ от подписи протокола, в связи с чем, привлечены свидетели,*

---

³ Антропонимы участников речевой ситуации оскорбления заменены на буквенные обозначения: «X» – Инвектор (адресант инвективного высказывания), «Z» – Инвектум (адресат инвективного высказывания).

он по-прежнему вел себя вызывающе, говорил «че ты как дятел одно да потому долбишь»;

2) <...> мы его подписали, после чего, когда уже собрались уходить, X обращаясь к Z, на его слова «до свидания» сказал дословно «да пошел ты г...ндон штопаный» <...>.

Использование следователем в протоколе допроса косвенной речи в виде изъяснительной конструкции является вторым способом инкорпорирования вторичных инвективных высказываний в протокол допроса.

1) Я вышел и сказал в адрес Z, что он «Г...дон штопаный»;

2) <...> он продолжил на камеру оскорблять меня, а именно сказал, что я «п...дорас» и «ложусь под мужиков» <...>.

Третий способ маркирования вторичных инвективных высказываний основан на компрессии – вторичное высказывание представлено в виде отдельных номинативных единиц, заключенных в кавычки. Рематические элементы вторичного высказывания представлены ключевыми элементами – оценочными предикатами. Такие рематические репрезентанты являются *рематической базой* высказывания и несут основную семантическую нагрузку.

1) В ответ на указанную просьбу парень, продолжая высказываться грубой нецензурной бранью, стал обращаться конкретно к Z, указывая на него пальцем, оскорблять различными словами, такими как «п...дор конченный», «мусор», «козел е...ый», «сволочь», «сука», на что Z отреагировал спокойно и вновь попросил его успокоиться;

2) X стала проходить через турникет и стала высказывать в мой адрес слова, унижающие мою честь и достоинство, а именно называла меня «козлом» и «бл...ю ё...ой».

Выделенным трем типам передачи чужой речи в протоколе допроса с точки зрения их содержания в целом присуща общая семантическая компонента – реципиенты передают смысл услышанного с помощью имен, негативно характеризующих денотат – личность. Определяющие личность языковые средства представлены посредством отдельных номинаций, дескрипций,

субстантивных словосочетаний, где носителями обценности являются имя существительное и / или имя прилагательное.

Анализ протоколов допроса показал наличие текстовых компонентов, в пределах которых описываются речевые ситуации оскорбления. К структурным компонентам воспроизводимой в протоколе допроса коммуникативной ситуации относятся: участники в соответствии с их ролями; пространство и время коммуникации; канал коммуникации; собственно вторичное инвективное высказывание. Роли участников речевой ситуации распределяются следующим образом. Инвектор (адресант инвективного высказывания) – Инвектум (адресат инвективного высказывания) – Наблюдатель (свидетель конфликтной коммуникации). Им в тексте протокола допроса соответствуют семантические роли – агенс-локутор, адресат, экспериенсер.

Пример реализации семантической роли «адресат»: *Услышав данные высказывания X, я вышел в коридор 4 этажа здания суда и, находясь между кабинетами №4-33 и № 4-34, обратился к X спросив у него, что он сказал, на что X, смотря на меня, ответил «Вы все жополизы судебной системы».*

Пример реализации семантической роли «агенс-локутор»: *В ответ на полагаю правомерные действия Z X ответил ему грубой нецензурной бранью «Пошел на ....».*

Пример реализации семантической роли «экспериенсер»: *В это время X и Z находись напротив друг друга, X вел себя буйно, пытался воспрепятствовать Крапивину, вырывался, в связи с чем, обращаясь к Z, а именно глядя прямо на него, назвал Z лицом нетрадиционной сексуальной ориентации, выразив это в грубой нецензурной форме, а именно сказал: «Пидарас».*

Все участники исследуемой речевой ситуации являются обязательными, так, при отсутствии Наблюдателя речевой акт оскорбления теряет признак публичности – и следовательно вынужден резюмировать отсутствие состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РФ.

Наряду с вербальным кодом в протоколах допроса описываются и знаки других семиотических систем, с помощью которых Инвектор выражает свое

отрицательное отношение к Инвектуму. Эти неязыковые знаки являются сопутствующими маркерами речевой ситуации оскорбления.

В исследовании устанавливается наличие в протоколах допроса набора языковых описаний фонационных характеристик речевого акта оскорбления, жестового и визуального поведения Инвектора, особенностей выбора им коммуникативного пространства. Паралингвистические средства являются важными сопутствующими характеристиками речевого акта оскорбления, их характеристики приводятся допрашиваемым в описательной части протокола допроса.

Анализ языковых средств, представленных предикатами речевой деятельности, показал наличие в протоколах допроса трех видов квалификаторов свойств голоса Инвектора:

- использование квалификатива (наречия) «громко» в сочетании с предикатом речевой деятельности: *<...> я начал возмущаться, что цветы мне не нравятся, громко ругаться, высказывая свое недовольство нецензурными словами <...>; <...> X никак не реагировал и продолжал громко разговаривать <...>;*

- использование предиката (глагола) с семантикой интенсивного речевого действия – «кричать» («закричать»), «орать» автономно либо в сочетании с фазисным глаголом «стал»: *Она кричала, обращаясь к секретарю Z; Мужчина закричал: «Дура, я уже тринадцать лет отсидел...»;*

- использование субстантивных словосочетаний со словом «тон» («на повышенных тонах», «в повышенном тоне») в соединении с глаголами речи: *<...> я заметил, что последний начал вести себя агрессивно, а именно стал разговаривать с Z на повышенных тонах; <...> X стал разговаривать с сотрудниками магазина на повышенных тонах и в грубой нецензурной форме высказывать им свое недовольство.*

Инвектор произносит оскорбительное высказывание громко. Громкость голоса подчеркивает конфликтные черты исследуемого речевого акта. Инвектум и Наблюдатель описывают этот голос как «крик» или «повышенный тон». Такое «изображение» голоса конкретизирует тип речевого акта, указывает на его

прагматическую направленность, характер отношений между адресатом и адресантом, психологическое состояние говорящего, нарушающего этикетные нормы общения – дает представление о коммуникативной ситуации в целом.

Жесты, описанные в протоколах допроса, в совокупности с вербальной составляющей речевого акта оскорбления являются знаками с сопутствующим контекстуальным значением. Вербальное оскорбление совместно с жестами – единый семиотический акт. Жесты могут подчеркивать и дополнять смысл сказанного, усиливая при этом информационное и психологическое воздействие на адресата.

В результате проведенного исследования нами выявлены три группы зрительных знаков, характеризующих невербальную составляющую коммуникативного поведения Инвектора.

1) Жесты-движения рук и корпуса инвектора:

Я просила его успокоиться, но он кричал «Если ты X тронешь, то я тебя уничтожу», при этом, когда он говорил, он размахивал руками перед лицом, то есть совершал хаотичные движения перед моим лицом, опуская руки на стол прямо перед моим лицом. Z то сжимал, то разжимал кулаки;

X встал с лавочки и неожиданно для нас встал в боевую стойку и начал размахивать руками, сжав их в кулаки, говорить, что «разберется» с нами, тем самым начал провоцировать конфликт и вести себя агрессивно, но удары мне не наносил.

2) Жест «указательный палец», направленный в сторону Инвектума:

Так, X, обращаясь конкретно ко мне, указывая на меня пальцем, видя, что я нахожусь в форменном обмундировании сотрудника Росгвардии и зная, что кроме нас в зале находятся третьи лица, стал громко называть меня <...>;

Высказывания X носили личностный характер, так как он обращался именно ко мне, высказывал оскорбления повернувшись в мою сторону, смотря на меня и при этом перед нецензурными высказываниями говорил «ТЫ» и указывал на меня пальцем.

3) Жест «средний палец» (*В этот момент X стал показывать пальцы Z, а также показывать ему свой средний палец правой руки*).

Коммуникативное поведение Инвектора характеризуется активным использованием рук, при этом их движения воспринимаются Инвектумом как знак агрессии. Жест, сопровождая речевое общение, обладает коммуникативной функцией – способностью маркировать отношение к собеседнику и эмоциональное состояние говорящего.

В протоколах допроса ретранслируется информация о положении тела Инвектора в коммуникативном пространстве при произнесения им инвективного высказывания, а также его визуальном поведении – он располагается напротив адресата и сокращает дистанцию до уровня интимной, смотрит в лицо или глаза собеседника (*Эти высказывания были направлены непосредственно в отношении меня, т.к. в этот момент мы находились друг напротив друга и оскорбительные слова X произносил, обращаясь непосредственно ко мне.; При оскорблении и угрозе применения насилия в отношении Z, X смотрел именно ему в глаза, было понятно, что данные высказывания были адресованы Z, так как они стояли друг напротив друга, между ними было расстояние около 20-30 см; Его высказывания носили личностный характер, так как он обращался именно ко мне, высказывал оскорбления, повернувшись в мою сторону, смотря на меня, и при этом перед нецензурными высказываниями говорил «ТЫ»; Из-за его некорректного поведения я предложил ему покинуть помещение Отдела ВКК, на что он ответил в грубой форме, глядя мне в глаза: «жаба обожранная, сидит тут и выгоняет участника боевых действий»).*

Вторичные инвективные высказывания, принадлежащие области спонтанной речи, характеризуются весьма простой грамматической структурой. Структура вторичных инвективных высказываний представлена небольшим количеством минимальных структурных схем, используемых Инвектором – N1_{ИНВ}.Adj. (*Сука тупая*); Adj.N1_{ИНВ}. (*Толстый п...дор*); Adj._{ИНВК}. (*Е...чий*); N1_{ИНВ}. (*Тварь*); Pron.N1_{ИНВ}. (*Ты г...но*); Vf_{3СИНВ}. (*Охренел*) и т.д.

Диктум вторичных ивнективных высказываний представлен в основном логическими пропозициями характеристики, внутренняя структура которых репрезентирована оценочным предикатом (ивнективная лексика – *тварь, сволочь, чмо* и т.п.) и объектом характеристики (*ты, вы*), включенного или невключенного в формальную структуру высказывания.

Диктумное содержание вторичного ивнективного высказывания служит экспликатором речевой цели автора исходного ивнективного высказывания (Ивнектора), которая заключается в отрицательной оценке адресата, влекущей понижение его статуса.

В третьей главе «Первичное высказывание vs. вторичное высказывание: лингвистическая соотнесенность» вторичные ивнективные высказывания исследованы с точки зрения межтекстовой соотнесенности (**оппозиция I:** первичное ивнективное фонографическое высказывание – вторичное ивнективное протокольное высказывание; **оппозиция II:** вторичное высказывание из оппозиции 1 – вторичное высказывание, не имеющее фонографической основы).

Исследование вторичных ивнективных высказываний из протоколов допроса в их соотнесении с записями первичных устных высказываний показало наличие между ними межтекстовых деривационных отношений.

Анализ эмпирического материала позволяет сделать вывод об использовании в протоколе допроса семантико-синтаксической модели, в центре которой находится ключевое слово/слова – квалификатив из первичного речевого акта оценки, зафиксированного на фонограмме (первичные высказывания *Что, охренел, б...дь?, Что, сука, ох...л?* – вторичное высказывание *чё охренел, чё сука ох...л*).

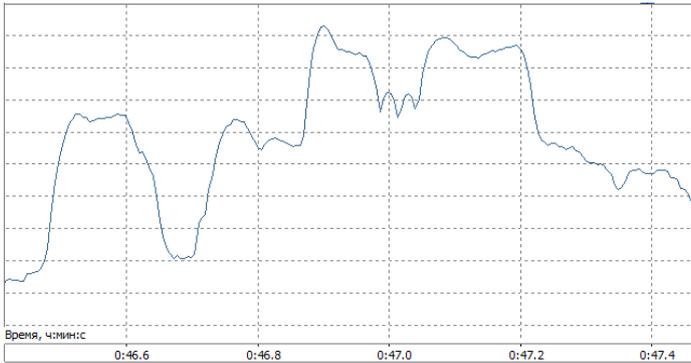
Как видно, первичные и вторичные высказывания имеют незначительные отличия на уровне структуры и содержания – часть структурных элементов элиминирована во вторичных высказываниях, а содержание первичного высказывания подвергнуто разной степени компрессии.

Модель инвективного высказывания может быть представлена триадой, главным и постоянным элементом которой является инвективная лексика. Факультативными компонентами модели вторичного высказывания являются иные структурные элементы, не обладающие оценочной семантикой, а также фонационные характеристики голоса.

Как уже упоминалось во второй главе, одной из важных характеристик «враждебного» голоса, восстанавливаемой из протокола допроса, является его громкость.

Таблица № 1 «Соотношение характеристики «громкость голоса», репрезентированной на фонограмме, с описываемой в протоколе допроса» иллюстрирует соотношение описываемой допрашиваемым громкости голоса Инвектора с визуализированными интонационными и динамическими характеристиками голоса на фонограмме.

Таблица № 1. «Соотношение характеристики «громкость голоса», репрезентированной на фонограмме, с описываемой в протоколе допроса»

Первичные высказывания	Энергия произнесения первичного высказывания (1) Кепстрограммы первичных высказываний (2)	Описание громкости голоса Инвектора в протоколе допроса
«Вы п...дорасы!»	<p>(1)</p> <p>(2)</p>	<p>«<...> последний был в агрессивном состоянии, кричал на сотрудников полиции»</p>

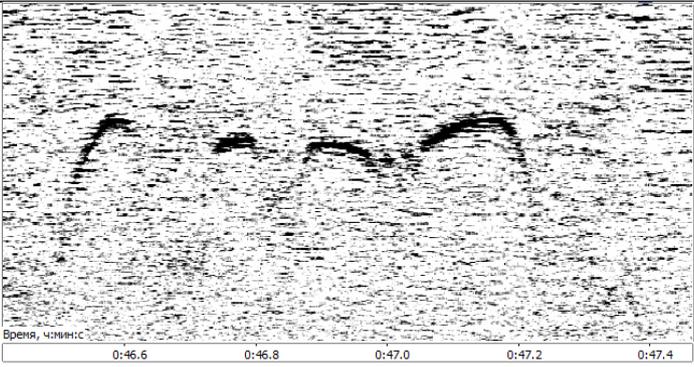
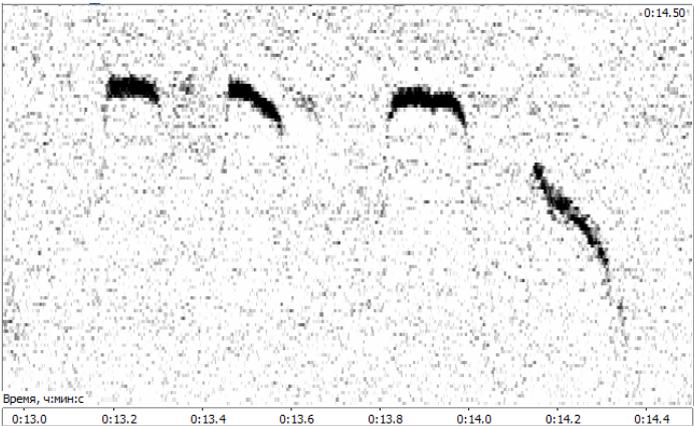
		<p>грубой нецензурной бранью <...>»</p>
<p>«Что ты п...дор!»</p>	<p>(1)</p> <p>(2)</p> 	<p>«<...> упал на землю начал биться головой о землю, кричал <...>»</p>

Таблица 2 – Соотношение характеристики «громкость голоса», репрезентированной на фонограмме, с описываемой в протоколе допроса.

Акустическое представление голоса свидетельствует о восходяще-нисходящей интонации Инвектора, достаточно высокой громкости произнесения первичных высказываний (пик энергии речевого сигнала прослеживается на -8 Дб

для слова «п...дор», и на -3,5 Дб для слова «п...дорасы»), что соответствует описанию характеристик голоса в протоколах допроса.

Исследование вторичных высказываний из оппозиции II происходило путем сопоставления их лингвистической «фактуры», основанного на анализе признаков – формы, содержания и речевой цели. Исследование структурно-семантических особенностей высказываний из этой оппозиции показывает совпадение их семиотических свойств в плане содержания (присутствие инвективного квалификатива) и выражения (схожая структурная организация – реализация основных минимальных структурных схем).

В заключении обобщены результаты проведенного исследования, подведены итоги, а также намечены перспективы дальнейшего исследования проблемы лингвистического анализа вторичных инвективных высказываний в протоколе допроса, обусловленные потребностями прикладного языкознания.

В Приложении 1 даны предписания для следователей по фиксации вторичных инвективных высказываний в протоколе допроса. Данные рекомендации основаны на проведенном анализе эвфемистических форм представления инвективной лексики в протоколах допроса.

Вербальный компонент дескриптивной части протокола допроса, представленный вторичным инвективным высказыванием, нуждается в нормативно закреплённом представлении. Такая необходимость вызвана отсутствием унифицированного подхода к фиксации в протоколе допроса ненормативной лексики по делам об оскорблении.

Протокол допроса как процессуальный документ, составленный на государственном языке Российской Федерации, не допускает использования ненормативных слов и выражений. Это является причиной использования следователями в исследуемых протоколах допроса эвфемизмов. Однако используемые в протоколах допроса приемы эвфемизации часто приводят к коммуникативной неудаче.

К «неудачным» эвфемизмам, препятствующим наиболее точной передаче допрашиваемыми первичных инвективных высказываний, относится замена

ненормативной лексики, отражающей негативную оценку объекта номинации, на «благозвучные», стилистически нейтральные, соответствующие нормам общественной нравственности литературные или разговорные синонимы; описательные обороты, комментарии (например, «толстый гомосексуалист» вместо «жирный п...р» / «женщина с пониженной социальной ответственностью» вместо «б..дь»).

Выбор таких способов нивелирования «неприличной» языковой формы инвективного высказывания является причиной потери его важных лингвистических свойств, благодаря лингвистическому анализу которых следователь имеет возможность квалифицировать преступление.

Анализ используемых в протоколах допроса способов эвфемизации инвективных высказываний показал, что предпочтительным средством эвфемизации в протоколе допроса является синкопированный графический эвфемизм. В этом случае середина слова-инвективы заменяется знаком многоточия («...») на месте гласных, образующих «ненормативный» корень.

Использование такого эвфемизма, имеющего специфику графического оформления и выполняющего этико-регулятивную роль, – «графического эвфемизма» – позволит любому лицу, знакомящемуся с протоколом допроса, идентифицировать ненормативную лексику, а в случае лингвистического экспертирования – дать ей объективную оценку.

Приложение 2 представляет собой картотеку с описательными частями скан-копий протоколов допроса. Приложение 3 представлено цифровым носителем информации – оптическим диском, на котором размещены аудио- и видеозаписи ситуаций речевого оскорбления.

Работы, опубликованные автором по теме диссертации

В изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Шульгина К.В. Источники сведений о речевой ситуации оскорбления при решении экспертных задач // Филология и человек. – 2021. – № 2. С. 88-96.

2. Шульгина К.В. Лингвистическая корреляция первичного текста и его вербальной репродукции в протоколе допроса [Электронный ресурс] / К.В. Шульгина // Сибирский филологический форум. – 2021. – № 3 (15). С. 33-43. Режим доступа: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-15-3-83>

3. Шульгина К.В., Пасько А.В. Просодия оскорбления [Электронный ресурс] / К.В. Шульгина, А.В. Пасько // Теория и практика судебной экспертизы. – 2021. – № 16(1). С. 92-99. Режим доступа: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-92-99>

В научных изданиях РИНЦ:

4. Шульгина К.В. Вербальное представление фонационных характеристик речи в протоколе допроса [Электронный ресурс] / К.В. Шульгина // Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. Электронное издание. Красноярский педагогический университет им. В.П. Астафьева. – 2020. С. 54-56. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43835130>

5. Шульгина К.В. Способы и проблемы фиксации ненормативной лексики в протоколе допроса [Электронный ресурс] / К.В. Шульгина // Юрислингвистика. – 2020. – № 17 (28). С. 8-11. Режим доступа: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2020\)1702](https://doi.org/10.14258/leglin(2020)1702)

6. Шульгина К.В. Чужая речь в протоколе допроса как вид вторичного текста [Электронный ресурс] / К.В. Шульгина // Сибирский филологический форум. – 2020. – № 4 (12). С. 21-28. Режим доступа <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-60>

7. Шульгина К.В. Языковое отражение невербальной коммуникации в протоколе допроса [Электронный ресурс] / К.В. Шульгина // Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. Электронное издание. Красноярский педагогический университет им. В.П. Астафьева. – 2021. С. 78-81. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46430806>

8. Шульгина К.В. Вербализация жеста в протоколе допроса. (В печати).